

УДК 398.22

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-212-218

СКАЗИТЕЛЬ: САКРАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И ГЭСЭРИАДА© *Дугаров Баир Сономович*

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

E-mail: khairkhan@mail.ru

В бурятской этнокультурной традиции эпос «Гэсэр» воспринимается как сказание божественного происхождения, поскольку в нем значительна роль тэнгриев-небожителей. Поэтому исполняли эпос те, кто знал доподлинно тэнгристскую мифологию, генеалогию шаманистских божеств, старинные обряды и сакральные тексты. Многие из прибайкальских улигершинов были потомственными шаманами. Шаманская формула избранничества распространялась и на певцов героического эпоса. Исполнение «Гэсэра» носило сакрально-культовый характер, так как стержнем сказания является образ героя как выражение уранических представлений бурятских сказителей об эпическом богатыре — сыне неба.

Ключевые слова: мифология, эпос, сказители, сакральная традиция, шаманизм, небожители, Гэсэр.

Отличительной чертой бурятской Гэсэриады является то, что значительная роль в развитии эпического сюжета принадлежит тэнгриам-небожителям. Поэтому среди сказителей-улигершинов ценились те, кто знал доподлинно тэнгристскую мифологию, генеалогию шаманистских божеств, старинные обряды и сакральные тексты [3, с. 36]. Сам же эпос в соответствии с мифологической «специализацией» героя, тесно связанного с пантеоном небесных божеств, можно рассматривать как своего рода развернутое шаманское призывание [11, с. 76]. Безусловно, существует определенная связь эпического сказительства с шаманством, эпоса — с шаманскими ритуальными текстами, а исполнения эпоса — с шаманским камланием [12, с. 58].

Согласно записям Ц. Жамцарано, в Прибайкалье народная старина, в особенности эпос и шаманская поэзия, удержалась благодаря прежде всего приверженности коренного населения вере отцов — шаманизму (*бөө мургэл*) и преемственности устной традиции. Бурятский ученый точно определил двух главных деятелей мифотворческого процесса у прибайкальских бурят, каковыми являются рапсод и шаман как носители сакрального слова и древних знаний [7, XIII–XIV]. Аналогичного мнения придерживается венгерский ученый Д. Кара — автор исследования «Песни монгольского барда» о джарутском сказителе Паджае. Говоря о подлинных носителях духовной культуры монгольской старины, он выделяет «интеллигенцию степей, состоящую, с одной стороны, из шаманов, а с другой — из бардов» [19, с. 49].

Более того, характерной особенностью творческой индивидуальности прибайкальских улигершинов является то, что многие из них совмещали в одном лице сказительский талант с шаманским даром. Все они были либо потомственными шаманами, либо истинными знатоками религиозной мифологии. Об этом свидетельствуют примеры сказителей П. Петрова, М. Имегенова, П. Тушемилова, А. Васильева, О. Хайнтаева, З. Заяханова и других. От них были записаны десятки эпических произведений, в том числе эпос «Гэсэр». Сами рапсоды выполняли также функции шаманов, пользуясь в этом качестве не меньшей популярностью в народе, чем на поприще сказительства [9, с. 129]. По сообщению Ю. Н. Рериха, в провинции Амдо на северо-востоке Тибета, считающейся колыбелью монголо-тибетской Гэсэриады, эпические певцы зачастую являлись адорантами добуддийской религии бон. В большинстве случаев исполнители «Сказания о Кэсаре» также хорошо известны в качестве заклинателей и магов [13, с. 19].

В связи с этим особо следует сказать о Пеохоне Петрове как наиболее именитом сказителе унгинской версии бурятской Гэсэриады. Сам улигершин происходил из знаменитого в Приангарье шаманского рода хангин и считался признанным авторитетом в области шаманской поэзии. С. П. Балдаев, известный собиратель бурятского фольклора, причислял его как знатка старины к старобурятской элите того времени – *хэлмэрчинам* (энциклопедистам), т. е. особо даровитым людям, владевшим всей племенной и родовой мудростью [4, с. 20]. В этом плане красноречивым выглядит признание С. П. Балдаева, записавшего сотни культовых текстов от различных носителей сакральной традиции этнической Бурятии и имевшего возможность сравнить их друг с другом.

Как пишет сам собиратель, «мне приходилось не раз общаться с большими именитыми шаманами как “белыми”, так и “черными”, например, с крупнейшим шаманом второй половины XIX в. А. Таровым из Эрхидэева рода. Он имел происхождение — удха от «хозяина» острова Ольхона Хан Хута баабая или Шубуун нойона. Во время исполнения шаман Таров делал в определенных местах паузу, вероятно, восстанавливал в памяти текст, приводил его в систему. Пеохон Петров же отличался феноменальной памятью. Он, не задумываясь, словно читая по книге, доводил призывание до конца. Останавливался лишь тогда, когда совершал брызгание (хаялга) или возлияние (дуһаалга), как того требовал обряд жертвоприношения. Такого сказителя и знатка шаманства, как П. Петров, я нигде не встречал» [3, с. 35–36].

Шаманский дар, присущий П. Петрову, тесно связанный с его талантом рапсода-улигершина, проясняет ряд важных моментов в сказительском мифотворчестве, прежде всего в исполнении эпоса «Гэсэр». По мнению Ц. Жамцарано, у западных бурят, сохранивших старую веру и устную традицию, особую роль в духовной жизни играют рапсод и шаман, каждый из которых представляет собой «своего рода вдохновенного поэта» [7, XIII–XIV]. Об этом же пишет и Г. Д. Санжеев, также заставший традицию шаманских песнопений и эпического исполнения до ее угасания. Рапсод, по

его наблюдениям, является, «в сущности, лишь особым видом шамана. Уже самое исполнение эпического песнопения вызывает представление о шамане, о шаманском сеансе». Сами же сказители в большинстве случаев оказываются рапсодами по наследству, что также сближает их с шаманами, у которых иметь удха — наследственный дар считается обязательным [14, XIII, XVII, XXI]. Более того, шаманы как посредники между верующими, с одной стороны, и сверхъестественными силами — с другой, считались избранниками неба или тэнгри [10, с. 94].

Формула избранничества распространялась и на сказителей – певцов героического эпоса, поскольку они «облюбованы сверхъестественными силами, чтобы поддерживать и хранить предания славного прошлого» [6, с. 25]. В целом представления о божественном призвании поэта-сказителя и его поэтическом даре свыше присущи многим фольклорным традициям. Вера эта связана с обычным на ранних ступенях общественного развития совмещением профессии певца и прорицателя-шамана [8, с. 400–401]. У ряда народов шаманство по своим социальным функциям являлось родовым культом. Шаман выступал как защитник и представитель своих сородичей в общении с духами и божествами [5, с. 174]. Не следует забывать, что исполнение улигеров в прежние времена считалось важным магически-религиозным актом [14, XXI].

Что касается П. Петрова, его род хангин, согласно данным М. Н. Хангалова, принадлежит к числу наиболее уважаемых в Прибайкалье шаманских родов и известен под названием хангин удха [16, с. 487]. Поэтому не случайно к П. Петрову как знатоку культовой поэзии, унаследованной от предков, специально приезжал М. Н. Хангалов в 1915 г. для записи шаманских призываний [18, с. 12]. От него же С. П. Балдаевым было записано призывание хангинским предкам [4, с. 341–345], которое представляет, на наш взгляд, особый интерес. Эта по-своему уникальная инвокация, запечатлевшая в поэтической форме пантеон сакрализованных предков и родовых божеств-покровителей, расширяет представление о поэтическом даре унгинского сказителя – знатока шаманской мифологии. В контексте нашей темы данный памятник шаманской поэзии, сохранившийся в исполнении П. Петрова, является немаловажным аргументом для понимания его творческого феномена как «образцового улигершина, донесшего до нас традиционное “унгинское” исполнение улигера» [15, с. 79], сказителя Гэсэриады, воплотившего сакральный мир этнокультурной традиции бурят в поэтическом слове.

Наряду с Пеохоном Петровым необходимо сказать несколько слов о Маншуте Имегенове, потомственном сказителе, ярком выразителе эхиритбулагатской эпической традиции, которого Л. Лёринц по праву называет «Гомером бурятского героического эпоса» [20, с. 245]. Эпос «Абай Гэсэрхубун», записанный от М. Имегенова, сохранил целый ряд уникальных мифологических сюжетов, раскрывающих идеологию и понятия родового общества. По мнению А. И. Уланова, он занимает в эпическом творчестве бу-

рят самое заметное место и вряд ли мировой эпос знает столь архаичный и интересный для науки образец [2, с. 6].

Сам М. Имегенов не принадлежал к шаманскому роду, но, по воспоминаниям его потомков, он исполнял необходимые родовые обряды и хорошо знал шаманские призывания. «Иначе как он мог бы рассказывать о тэнгриях и бурханах в своих улигерах и о героях, которые имеют небесное происхождение» («Үльгэр хэлэхэдээ олон тэнгэри бурхашуулаа дуудан байсан хадаа арси хаядаг байгаа бшуу»), — говорили мне его земляки во время посещения мной его родного селения Кукунут в 2000 г. Причем, прежде чем начать пение улигера, как отмечает Н. О. Шаракшинова со слов информатора, «Маншут обязательно произносил призывание. После призывания, как будто войдя в экстаз, начинал распевать улигер. Пение улигера начинал с особых звуков, выражавших вдохновение певца: “Эхээ – хээ!..”» [17, с. 12–13].

О феноменальных сказительских способностях М. Имегенова поведала его племянница Г. Х. Айхаева следующим образом: «Свыше ему наговаривалось» («Саанаһаа хэлүүлдэг байгаа»). Это замечание представляется весьма существенным. То же самое говорят о шаманах во время их камлания, исполнения священного текста — призывания. Здесь видно, что так называемый мифолого-магический комплекс, распространяемый на личность сказителя в сибирско-центральноазиатской традиции, касается и Маншута Имегенова и в контексте этих предпосылок становится очевидным его избранничество как певца «Гэсэра».

По мнению ряда ученых, чем архаичнее культура, тем органичнее выступает слитность жреца/шамана и сказителя [12, с. 58–65], между которыми существовала первоначальная связь, в одном лице совмещались две профессии. Факты свидетельствуют, что данное обстоятельство характерно для бурятского эпического сказительства, представленного именами улигершинов-шаманов, чьи имена упоминались выше.

Что касается Гэсэра, то он принадлежит к типу основных эпических персонажей, возникших на почве эволюции мифологических образов героев. Они первоначально в эпосе представляли из себя «сверхъестественные существа, богов» [9, с. 109], чему соответствует религиозно-культурное отношение самих сказителей к центральным персонажам эпоса и к его исполнению. Особенно выпукло ураническая ипостась Гэсэра выявляется в архаичной эхирит-булагатской версии Гэсэриады, всецело обращенной к своим исконным мифологическим истокам. Здесь образ Гэсэра, вобравшего в себя черты его предшественника в мифопоэзии бурят — бога-громовержца Хухэдэй Мэргэна, представляет собой самобытную эпическую интерпретацию бога-героя, органично связанного с миром древних бурят-монгольских мифологических представлений. В стадиально поздней унгинской версии Гэсэриады, в которой приводится небесная родословная Гэсэра, герой является сыном Хормусты — главы западных светлых божеств.

Сказители верили, что Гэсэр не терпел плохих рассказчиков о себе и наказывал их, а хороших сказителей мог брать себе на небо [1, с. 290].

Вполне закономерно, что в бурятской эпической традиции эпос «Гэсэр» воспринимался как сказание (улигер) божественного происхождения, поскольку главной идеей этого произведения является нисхождение сына верховного небожителя в земной мир для борьбы с распространившимся здесь злом. Архетипическая взаимосвязь неба и земли приобретает в эпической интерпретации Гэсэриады форму двуединства тэнгристского пролога и эпического сюжета. Исполнение «Гэсэра» носило сакрально-культовый характер, так как стержнем сказания служит образ героя как выражение уранических представлений бурятских сказителей об эпическом богатыре — сыне неба.

Действительно, эпос о Гэсэре насыщен многими элементами шаманистской мифологии. Сам герой, воплотивший концепт сына неба в эпической интерпретации, является органичным выражением тэнгристской идеологии бурят-монголов и значимости уранического фактора в их традиционных верованиях. В бурятской Гэсэриаде, особенно в молькинском варианте, обозначен весь символический пантеон девяности девяти эпических божеств, являющийся квинтэссенцией тэнгризма как такового, что свидетельствует о глубоком знании небесной мифологии бурятскими сказителями — носителями и знатоками сакральной традиции.

Литература

1. Абай Гэсэр / вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А. И. Уланова. Улан-Удэ, 1960. 209 с.
2. Абай Гэсэр-хубун / подг. текста, пер. и примеч. М. П. Хомонова. Улан-Удэ, 1961. 231 с.
3. Балдаев С. П. Избранное. Улан-Удэ, 1961. 256 с.
4. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1: Булагаты и эхириты. Улан-Удэ, 1970. 363 с.
5. Басилов В. Н. Избранники духов. М., 1984. 208 с.
6. Владимирцов Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос / пер., вступ. ст. и примеч. Б. Я. Владимирцова. Пб.; М., 1923. 255 с.
7. Жамцарано Ц. Ж. Введение собирателя // Произведения народной словесности бурят. Пг., 1918.
8. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. Л., 1979. 493 с.
9. Михайлов Г. И. Мифы в героическом эпосе монгольских народов // Краткие сообщ. / Ин-т народов Азии. Вып. 83: Монголоведение и тюркология. М., 1964. 189 с.
10. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск, 1987. 288 с.
11. Неклюдов С. Ю. Закономерности стадияльной эволюции эпоса Центральной Азии и Южной Сибири // *Mongolica*: памяти Б. Я. Владимирцова. М., 1986. С. 66–79.
12. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство. Типология и этническая специфика. М., 1997. 295 с.
13. Рерих Ю. Н. Сказание о царе Кэсаре Лингском // Декоративное искусство. Диалог истории и культуры. 1995. № 1–2. С. 19–24.
14. Санжеев Г. Д. Аламжи Мэргэн. М.; Л., 1936.

15. Уланов А. И. Пеохон Петров // Бурятский фольклор. Улан-Удэ, 1968. С. 77–80.
16. Хангалов М. Н. Собр. соч. Улан-Удэ, 1958. Т. 1. 551 с.
17. Шаракшинова Н. О. Певцы улигеро́в // Гэсэриада: прошлое и настоящее. Улан-Удэ, 1991. С. 9–14.
18. Шерхунаев Р. А. Сказитель Пеохон Петров. Иркутск, 1969. 93 с.
19. Kara G. Chants d'un barde mongol. Budapest: Akademiai Kiado, 1970 (Bibliotheca orientalis hungarica. T. XII). 351 p.
20. Lörincz L. Natur und Gebrauchsgegenstände als übernatürliche Elemente in den Heldenliedern von Mansut Emegenov // Documenta Barbarorum: Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag 1983. Otto Harrassowitz – Wiesbaden.

THE NARRATOR: SACRED TRADITION AND GESERIADA

Bair S. Dugarov

DSc in Philology, A/Professor, Leading Researcher, Department of Literature and Folklore, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS
6 Sakhyanovoi St., Ulan-Ude 670047, Russia

In the Buryat ethnic and cultural tradition, the epic “Geser” was perceived as a tale of divine origin due to the significant role of Tengri-celestials. Therefore, the epic was performed by those who authentically knew Tengri mythology, genealogy of shamanistic deities, ancient rites and sacred texts. Many of Baikal Region uliger-shins were hereditary shamans. The shamanic formula of the electiveness was extended to the performers of heroic epic as well. The performance of “Geser” had a sacral and iconic character because the hero image as an expression of the Buryat bards’ uranic representations of the epic hero – the son of the heaven – was the legend core.

Keywords: mythology, epic, performers, sacred tradition, shamanism, skydwellers, Geser.

References

1. *Abai Geser*. Ulan-Ude, 1960. 314 p. (transl. from Buryat)
2. *Abai Geser-Khubun*. Ulan-Ude, 1961. 231 p.
3. Baldaev S. P. *Izbrannoe* [Favorites]. Ulan-Ude, 1961. 256 p.
4. Baldaev S. P. *Rodoslovnnye predaniya i legendy buryat. Ch. 1. Bulagaty i ekhiritiy* [Genealogical Legends of Buryats. Part 1. Bulagats and Ekhiritis]. Ulan-Ude, 1970. 363 p.
5. Basilov V. N. *Izbranniki dukhov* [Chosen by Spirits]. Moscow, 1984. 208 p.
6. Vladimirtsov B. Ya. *Mongolo-oiratskii geroicheskiy epos* [Mongol-Oirat Heroic Epos]. Petersburg; Moscow, 1923. 255 p.
7. Zhamtsarano Ts. Zh. Vvedenie sobiratelya [Introduction of Collector]. *Proizvedeniya narodnoi slovesnosti buryat — Folk Literary Works of Buryats*. Petrograd, 1918.
8. Zhirmunskii V. M. *Sravnitel'noe literaturovedenie: Vostok i Zapad* [Comparative Literary Studies: East and West]. Leningrad, 1979. 493 p.
9. Mikhailov G. I. Mify v geroicheskom epose mongol'skikh narodov [Myths in the Heroic Epos of the Mongol Peoples]. *Kratkie soobsheniya. Vyp. 83: Mongolovedenie i tyurkologiya — Brief Reports. V. 83. Mongolian Studies and Turkology*. Moscow, 1964. 189 p.

10. Mikhailov T. M. *Buryatskii shamanizm: istoriya, struktura i sotsial'nye funktsii* [Buryat Shamanism: History, Structure and Social Functions]. Novosibirsk, 1987. 288 p.
11. Neklyudov S. Yu. Zakonomernosti stadial'noi evolutsii eposa Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri [Laws of Stadial Evolution of Central Asian and South Siberian Epos]. *Mongolica: pamyati B. Ya. Vladimirtsova — Mongolica: In memoriam of V. Ya. Vladimirtsov*. Moscow, 1986. Pp. 66–79.
12. Putilov B. N. *Epicheskoe skazitel'stvo. Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic Narrations. Typology and Ethnic Specificity]. Moscow, 1997. 295 p.
13. Rerikh Yu. N. Skazanie o tsare Kesare Lingskom [Legend of Tsar Kosar Lingskom]. *Dekorativnoe iskusstvo — Decorative Arts*. 1995. No. 1–2. Pp. 19–24.
14. Sanzheev G. D. *Alamzhi Mergen*. Moscow–Leningrad, 1936.
15. Ulanov A. I. Peokhon Petrov. *Buriatskii fol'klor — Buryat Folklore*. Ulan-Ude, 1968. Pp. 77–80.
16. Khangalov M. N. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Ulan-Ude, 1958. V. 1. 551 p.
17. Sharakhshinova N. O. Pevtsy uligerov [Singers of Uligers]. *Geseriada: proshloe i nastoyashchee — Geseriada: Past and Present*. Ulan-Ude, 1991. Pp. 9–14.
18. Sherkhunaev R. A. Skazitel' Peokhon Petrov [The Narrator Peokhon Petrov]. Irkutsk, 1969. 93 p.
19. Kara G. Chants d'un barde mongol. Budapest: Akademiai Kiado, 1970 (Bibliotheca orientalis hungarica. T. XII). 351 p. (in Hungarian)
20. Lörincz L. Natur und Gebrauchsgegenstände als übernatürliche Elemente in den Heldenliedern von Mansut Emegenov. *Documenta Barbarorum: Festschrift für Walther Heissig zum 70. Geburtstag 1983. Otto Harassowits – Wiesbaden*. (in German).